

- Симаков* 1984 – *Симаков Г.Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Л., 1984.
- Снесарев* 1969 – *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Толеубаев* 1991 – *Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1991.
- Фиельструп* 2002 – *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века/Отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева. М., 2002.
- Харузин* 1896 – *Харузин Н.Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнограф. обозрение. 1896. № 2–3.
- Шишло* 1975 – *Шишло Б.П.* Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

A.S. Kochunov. The Dwelling in the Traditional Burial Rite System of the Kyrgyz (the Case of Yurt)

Drawing on historical, ethnographic, and literary sources, as well as on own field research data collected during a number of years of work in Kyrgyzstan, the author investigates the role and place of the dwelling construction in the traditional burial rite system among the Kyrgyz. The focus of attention is the yurt which represents the dwelling type of the Kyrgyz who were nomads in the past. The article touches on the period spanning throughout the nineteenth century and the early twentieth century and offers a comprehensive analysis of the yurt's social and cultural role during the period.

ЭО, 2008 г., № 5

© Д. Д. Амоголонова

СОВРЕМЕННЫЙ БУРЯТСКИЙ АНЕКДОТ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЭТНОСФЕРЫ

Материалом для данной статьи послужили анекдоты, опубликованные на сайте бурятского народа (Сайт), форуме Интернет-сайта Бурятского филиала ОАО "Сибирь-телеком" (БФ ОАО)¹ и в книге "Дождь из цветов" (Дождь из цветов 2005).

В отличие от множества других так называемых этнических анекдотов (о евреях, чукчах, кавказцах и др.), бытовавших в СССР и сохранившихся на постсоветском пространстве, бурятские анекдоты (анекдоты о бурятах) локальны, а потому актуальны в первую очередь для территорий проживания бурят. Они вне зависимости от содержания (т.е. от того, в каком свете предстает персонаж перед слушателем), как правило, рассказываются бурятами и для бурят. Причина этого – акцентуация на этническом образе, изначально заложенное высмеивание простодушия или, напротив, хитрости, особенностей внешности, стереотипного представления о национальном характере, особенностях произношения русских слов, плохого владения русским языком и т.д.

Жанр современного бурятского анекдота подразумевает довольно большое сюжетное разнообразие. К примеру, некоторые шутки и анекдоты восходят к буддийским

Дарима Дашиевна Амоголонова – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

притчам и содержат ярко выраженную назидательность. В таких историях нет присущей современному анекдоту выразительной и парадоксальной концовки:

"К одному ламе обратился за помощью больной, весьма застенчивый юноша. Лама его и просит:

– Покажи язык!

... – Мне как-то стыдно показывать ламе язык...

– Ради выяснения истины... и самому Будде язык показать не зазорно!" (Дождь из цветов 2005: 294).

Конечно, такого рода короткие истории никак не связаны с анекдотами, составляющими основную часть городского фольклора, хотя можно и в них найти вполне современные черты:

"Один лама, обучаясь водить машину, ехал вместе с инструктором по полю. На совершенно пустом, казалось бы, месте лама вдруг резко затормозил, постоял немного, а затем стал снова набирать скорость...

– Что случилось? – спросил его сидевший рядом инструктор.

– Это я черта, перебежавшего нам дорогу, пропустил!" (Там же: 291).

Что касается более популярных (и, на мой взгляд, более смешных) примеров анекдотов о бурятах, то анализ их структуры и содержания позволяет сделать вывод о том, что речь идет о жанре городского фольклора, сформировавшегося под воздействием русской речевой культуры. В этом смысле он представляет собой типовой текст с определенными жанровыми признаками, включающими в себя стереотипность формы, содержания и функционирования. Вторичность и современность бурятского анекдота отрывают его от традиционного фольклорного наследия бурят, а потому ему не присущ историзм ни в источниковом, ни в композиционном аспекте: современный анекдот не имеет (или имеет крайне редко) аналога в старых поучительных притчах и байках.

Главный отличительный признак современного бурятского анекдота, как и любого другого анекдота, – его инвариантная жанровая структура, состоящая из следующих обязательных элементов: экспозиция, т.е. завязка интриги – развертывание действия с неясным его завершением – неожиданная развязка. В этом смысле бурятский анекдот достаточно типичен, поскольку в нем непременно присутствуют все три элемента; нам почти не встречались короткие анекдоты, состоящие из одного или двух предложений. Слушателя приходится настраивать на тему посредством зачина, и в этом состоит коренное отличие бурятского анекдота от, скажем, еврейского, в котором первые слова или даже одно слово уже содержат в себе и завязку, и развертывание: " – Рабинович, как здоровье? – Не дождетесь!" или " – Ваша национальность? – Таки да!".

Можно сказать, что современный бурятский анекдот полностью соответствует жанровой специфике, состоящей в стереотипности, а именно в неожиданной развязке, собственно и составляющей остроумную, смешную часть анекдота, парадоксальную по отношению к типической и несмешной интродукции, которая заставляет слушателя в силу инерции мышления настраиваться на банальный лад.

«Разбился самолет, и выжили только блондинка и бурят, но попали на разные острова. Проходит месяц, блондинка уже не может без секса и кричит: "Бадма, плыви сюда, у меня кое-что для тебя есть". Бадма все бросает: "О, неужели позы² приготовила"».

Следует сказать, что бурятский анекдот, зафиксированный письменно, проигрывает по сравнению со своим устным аналогом: анекдот, представляемый как сценка, требует от исполнителя определенного артистизма, состоящего в утрировании акцен-

та, произношения, темпа речи – словом, *бурятизации* русской речи: "*депка, депка* (т.е. девка, девка), *Бохан дай!*" (анекдот, представляющий собой разговор буряты из с. Бохан Иркутской обл. с телефонисткой).

В этом смысле анекдот как форма устного творчества определяется не только эстетизмом рассказчика, но и уместностью изложения: «рассказ анекдота порождается определенной жизненной ситуацией, он должен быть рассказан "к месту", "по аналогии" с обсуждаемой жизненной ситуацией. В этом смысле анекдот можно рассматривать как специфическую форму "прикладного искусства" – его рассказ "прикладывается" к теме разговора, к осмыслению некоего жизненного события» (Каган 2002: 6).

Хотя, безусловно, *этнически* окрашенные бурятские анекдоты достаточно разнообразны, тем не менее их сравнительная немногочисленность затрудняет выстраивание сюжетной типологизации. Можно, впрочем, отметить слабую представленность политического анекдота советской поры, хотя тоталитарный режим мощно стимулировал именно такое творчество интеллигентов. То же самое можно сказать и о постсоветском периоде. Причины этого К. Хамфри видит в том, что российским бурятам с их статусом меньшинства было свойственно подчинение репрессивным структурам, что имеет место и в неоавторитарной России. Вследствие этого "отдается предпочтение аллегорическим мнемоническим формам, а не более прямым способам запоминания", поскольку "буряты по-прежнему подчинены политическим структурам, которые делают пространство открытого обсуждения закрытым" (цит. по: Pedersen 2006: 163–164, 167).

Продолжая мысль К. Хамфри, М. Педерсен пишет, что «аллегорические нарративы... можно рассматривать как симптом более общей "историографической инволюции" среди бурят, причем их статус меньшинства на протяжении длительного времени привносит такое отношение, которое можно назвать радикально консервативным» (Ibid. 168).

Исключение составляют короткие буддийские протестные и одновременно объяснительные рассказы-притчи, относящиеся еще к довоенным временам и более всего соответствующие классическому определению анекдота (греч. "неизданное"): короткий рассказ о каком-либо реальном историческом лице или происшествии. Когда же речь идет о живом на момент повествования персонаже, слушатель ожидает высмеивания или хотя бы валентной оценки происходящего и абстрагирования от него. Ничего подобного не было в советскую эпоху (напомню, речь идет не об анекдотах советской эпохи, популярных и среди бурят, а об анекдотах *бурятских*). Здесь уместно привести бурятскую буддийскую притчу о синем слоне, которой посвящена работа К. Хамфри в связи с рассмотрением темы отношения бурят к репрессиям, которым подверглось бурятское буддийское духовенство в сталинскую эпоху (в соответствии с принятой на Западе традицией, К. Хамфри называет эту притчу анекдотом): «Давным-давно в Индии... синий слон, принадлежавший некоему богачу, тяжело трудился на строительстве храма. Когда строительство было завершено, высокий лама благословил каждого, кто внес вклад в возведение храма. И только синего слона не позвали. Вскоре он умер, но перед смертью сказал: "Из-за того, что вы обо мне забыли, в моих следующих перерождениях я трижды разрушу буддизм". Так и произошло. А Сталин, считается, был последним из этих перерождений» (Ibid. 167).

Эта притча, которую можно назвать анекдотом в классическом смысле, отчасти объясняет слабое распространение в бурятской советской/постсоветской среде этнополитического анекдота. Иными словами, вопреки суждению И. Каспэ об интерфункции анекдота в противоборстве давлению насаждаемой сверху идеологии³, в коллек-

тивном этническом сознании имеет место «смещение, при котором действия, приписываемые кому-то другому (в данном случае Сталину), каким-то образом относятся и к "себе". Истории о реинкарнациях неким метафорическим образом отражают метаисторию, порожденную сталинизмом, но при этом они бросают ему вызов посредством ключевого этического вопроса, порожденного социалистической метаисторией – этической проблемы личной ответственности. Эти повествования, по моему мнению, подразумевают включенность, поскольку показывают сложное и, вероятно, неосознанное отождествление себя со Сталиным» (Ibid.).

Подтверждением справедливости такой точки зрения может служить анекдот, рассказанный на форуме Бурятского филиала ОАО "Сибирьтелеком", которому предположены слова: "Вот сегодня пацаны из Агинска анекдот хороший рассказали, *чисто бурятский*":

«Представьте советское время, когда была репрессия бурят. От чекистов в доме отстреливался из автомата бурят.

Долго бурят отстреливался. Решили чекисты его сдать уговорить. Нашли человека (чекиста), который на бурятском шпыхит. И вот говорит тот буряту, мол, сдавайся, дом окружен, сопротивление бесполезно.

Но бурят-то не прост, и отвечает: "Нет. Если отгадаете с трех раз, как меня зовут, то сдамся, а если нет, то до последнего буду сопротивляться".

Ну, те и начали гадать: Булат?

Бурят: Нет.

Чекисты: Баир?

Бурят: Нет.

Чекисты: Бэлигто?

Бурят: Нет.

И из окна очередь из автомата: та-та-та-та-та-та.

Бурят: Меня Болодя зовут».

Этот пример свидетельствует о наличии культурного/политического контекста самоидентификации рассказчика с представленной в анекдоте советской системой (которая подразумевается как данность, легитимно признанный исторический фон), в то время как юмористическая нагрузка ложится на фонетическую путаницу, происходящую из языковой принадлежности героя.

Если советский политический анекдот считается формой протеста городских интеллигентов, то его отсутствие – при наличии довольно значительного слоя творческой и научной интеллигенции среди бурят – может свидетельствовать об осознанной самоидентификации с системой. Петербургские и московские интеллектуалы высмеивали социалистический строй в силу причисления себя к русской дореволюционной культурной и научной традиции, а также к миру западных гражданских ценностей, а этнические элиты СССР осознавали свое порождение государственной политикой и не отождествляли себя с досоветским периодом. Поэтому их *молчание* не было вызвано страхом перед репрессиями: для политического анекдота в целом не находилось причин и оснований.

На сайте бурятского народа я нашла лишь один пример улан-удэнского советского политического анекдота (в результате изложенных выше аргументов можно предположить, что и в советское время их было немного): «*Два бурята смотрят на памятник Ленину в Улан-Удэ*⁴.

Первый: "Вот это голова!" *Второй, тихонько*: "Только, говорят, пустая"».

Конечно, политический анекдот существует только в актуальном политическом контексте и утрачивает смысл при изменении обстановки. С большой долей условности к жанру современного политического анекдота можно отнести анекдот, состоящий из одного предложения: *"Главные буряты: Дандарон⁵, Базарон⁶, Кобзон⁷"* или стихок: *"Нет среди бурятов/Членов академии/И лауреатов/Нобелевской премии./Где б найти им руку,/Бескорыстно-братскую,/Чтоб смогла науку/Поддержать бурятскую"*, причем важным условием причисления этих произведений к жанру городского фольклора является их анонимность – неперменная характеристика современного анекдота.

Бытовые же анекдоты, которые мне известны, можно условно типологизировать следующим образом.

Обыгрывающие собственно слово "бурят" как омоним.

Пример 1: "Идет чукча по тундре, видит вышка какая-то, вагончики, трактор, мужики. Подходит ближе и спрашивает мужика: – Что делают? – Бурят. – Э-э-э, чукчу не обманешь. Бурят, однако, по-другому делают".

Пример 2: "Владимир Владимирович, а Вы знаете, на Украине – бурят! (речь идет о Ю.И. Еханурове, премьер-министре Украины в 2005–2006 гг.). – А, пусть бурят, все равно у них нефти нет".

Представляющие характеристики внешности. В этих анекдотах высмеиваются (самовысмеивается) физиогномические черты, ярко подчеркивающие отличие монголоидного типа от европеоидного. Интересно, что эти анекдоты эксплицитно выражают постоянно действующее сравнение себя (своих) с референтной группой русских, которые представляются носителями современного антропологического канона. Видимо, это является причиной, наряду с молодежной склонностью к эпатажу, по которой некоторые девушки, а иногда и юноши, искусственно высветляют волосы. Иными словами, для бурятского сознания собственный антропологический тип вступает в противоречие с признанным эстетическим образцом – европеоидным, что свидетельствует и о глубине включения в российскую (русскую) ментальность, и о признании своей непреодолимой инаковости. Уместно здесь привести мысль, высказанную в частной беседе со мной одним театральным режиссером: "Я чувствую по-бурятски, а думаю по-русски".

Пример 1: "В Бурятии (Монголии, Калмыкии) проходил конкурс двойников. Победили ВСЕ!" (это, кстати сказать, единственный обнаруженный мною пример короткого анекдота, в котором интродукция и разворачивание заключены в одном предложении).

Пример 2: "Раздавал Бог внешность. В первый день он раздавал глаза. Буряты опоздали, и им достались маленькие. На второй день он раздавал нос, и буряты снова опоздали, и получили маленький нос. На третий день Бог раздавал губы. И опять буряты опоздали! И им достались маленькие губы! Думают буряты – что же мы опаздываем, эдак у нас все маленькое будет. И на следующий день они пришли самыми первыми. А в этот день Бог раздавал щеки".

Пример 3: «Упал бурят с третьего этажа, не поднимается. Набежала толпа, жалеют, думают, что убится. Наконец он подает признаки жизни, приподнимается, толпа увидела его лицо и говорит: "Беденький, как нос-то разбил!" А бурят отвечает "Неее, нос не разбил, ЩЭКАМ больно"».

Кстати сказать, среди городских бурят, особенно молодых, все больше людей, конституция которых европеизируется: на смену коренастости и сравнительной низкорослости (особенно среди восточных бурят) приходит новый тип: рост выше среднего и высокий, астеническое телосложение, длинные ноги, светлая кожа. Такая модернизация тоже стала темой анекдота: *"Знаете, почему у современных бурят глаза боль-*

ише? Потому что в старину у них было много богатства и всякой еды. Они всегда довольно шурились. А теперь буряты во все глаза смотрят: где мясо?"

Обыгрывающие специфику бурятских имен по сравнению с русскими именами.

Пример 1: "Тудуп и Цыдып едут первый раз в поезде. Утром Тудуп будит Цыдыпа и говорит: Слушай, всю ночь нас кто-то звал. Тудуп, тудуп, тудуп, тудуп – Цыда-а-ап!!!!!!".

Пример 2: «Девушка-бурятка утром после Нового года стоит перед зеркалом: "Муха Цеце?! Нет! Цеце Муха?! Нет! О! Цэцэгмуха!⁸»».

Пример 3: "Два мужика разговаривают: – На Сагаалгане познакомился с классной девичей, тока имя забыл. На название красивой машины похоже. – Лада? – Нет. – Мерседес? – Нет. – Астра? – Нет. Вспомнил! Ханда!"

Пример 4: «Великая отечественная война. Передовая. Немецкий снайпер высматривает цель – никого нет, все в окопах. Тут приходит идея – "Ва-а-а-с-я-я-я!", – кричит фашист. Тут же появляется голова и с интересом оглядывается... Немцу этого достаточно – выстрел, цель поражена. "Работает!" – подумал фриц. Далее идут все имена, которые он знал. В это время в окопе сидит бурят: "А-а, всё равно Пунцык не скажет..."».

Взаимоотношения и сравнения с "другими" – русскими, евреями и т.д.

Пример 1: «Москва. Метро. Переполненный вагон. Разгар куриного гриппа или чего там еще в Китае. В вагон заходит монголоид и громко чихает, все от него отшатываются, он говорит усталым голосом (типа задолбали уже): "Да, бурят я, бурят" (здесь можно вставить да, калмык я, калмык, киргиз и т. п.)».

В этом контексте сравнительно многочисленны анекдоты на тему "буряты на войне":

«Великая отечественная война. Командир с пистолетом в руке призывает солдат: "Орлы, вперед, в атаку!" и бросается в бой. За ним бегут все кроме троих. После боя командир проводит разборку: "Дезертиры! Под трибунал отдам! Почему не пошли в атаку?" Один солдат говорит: "Так нам команды не было!" Командир: "Как это не было? Я же сказал: орлы, вперед, в атаку!?" Солдат: "Так мы же не орлы!" Командир: "А кто же вы?" Солдат: "Мы львы!" Командир: ??? Солдат: "Вот Лев Абрамович, вот Лев Хаимович и я – Арслан (бурят: лев) Бадмаевич!"».

Для части анекдотов этой группы характерна троичность, сближающая их со сказочным зачином и в силу этого усиливающая контекст небывальщины:

Пример 1: «Сидят как-то француз, англичанин и бурят. Ну и бурят все время загоняет про своих. Француз и англичанин: "Слышь, надоел ты про бурят рассказывать, давай про кого-нибудь другого". "Идут, – говорит, – два негра, Баир и Зоригто"».

Пример 2: «Гундра, Якутия, холод. Ну и там рожают в один день, в один час бурятка, якутка и африканка. Мамы в чуме с теткой, принимающей роды, отцы ждут на улице. Тетка выходит и говорит им, что все родили, было трудно уследить – детки перемешались – идите каждый своего и узнавайте. Бурят, всех растолкав, влезает в чум и первым с негритенком выбегает. Акушерка ему: "Ты что это, посмотри получше, он же черный". – "А да ладно, главное не якут!!!"».

Смешивание бурятских и русских (например, сленговых) слов и выражений, особенности бурятского акцента и произношения. На мой взгляд, это самая разнообразная по сюжетам группа анекдотов: «Один бурят звонит другому: "Алло, это баня?" – "Нет, это Болодя"».

Сходный фонетический анекдот, аналогичный и почти совпадающий по смыслу с ранее приведенным, звучит так:

«Вторая мировая война. Бурят сидит окруженный в танке "Т-34". Немцы кричат: "Хандехох, бурят, сдавайся! Открывай люк". Бурят: "Не-а. Вот если имя мое угадаете, открою". Немцы: "А на какую букву хоть начинается?" Бурят: "На Б". Ну немцы сбежали, нашли спеца по бурятским именам, привели. Спец начал перечислять: "Бато?" Бурят: "Не-а". Спец: "Бадма?" Бурят: "Не-а". Спец: "Батор?" Бурят: "Не-а". Спец: "Ну всё, больше я не знаю". Тут бурят выкрикивает из люка: "Болодя я, Болодя!"».

Следующий анекдот обыгрывает омонимичность имени Базар и распространённого сленгового выражения: *«Бурят звонит: "Алло, Базар дома?" – "Че, Базар нужен? Базара нет!"»*.

К этой же группе можно отнести анекдоты, финальная, т.е. смысловая и самая смешная часть которых связана с плохим знанием русского языка.

Пример 1: «Приехал как-то бурят в Москву, стоит на перроне с кучей сумок, видит носильщики бегают туда-сюда, народу помогают багаж переместить, а как сказать "носильщик" не знает и говорит он: – "Потаскушка, ир наша (бурят. "иди сюда")..." Ну ему грузчик ка-а-ак вломит в челюсть и отвечает: "Узнаю, что такое "ир наша", вообще убью!!!"».

Пример 2: «Помится бурятка через очередь к кассе. Ей женщина говорит: "Эй ты, тарелка, иди отсюда". На что бурятка отвечает: "Сама ты всяка-разная посуда"».

Искусственно созданное созвучие тоже приобретает комический эффект и становится смыслом анекдота: *"Русскому человеку, находившемуся в нетрезвом состоянии, показали на приезжего бурята и сказали: "Он буддист!"*

Тот немедленно подошел к этому буряту.

– Ты буддист? И я тоже буддист... Будес?... – и щелкнул себя пальцем по плохо выбритой шее» (Дождь из цветов: 292).

Черты якобы национального характера.

Пример 1: «Попадает бурят в ад, идет в сопровождении чертей, и видит, стоят два котла, у одного крышка открыта, у другого закрыта. Бурят и спрашивает: "Почему так?". Черт говорит: "Да в том, что с закрытой крышкой, евреи сидят, когда крышку откроешь, они друг на друга встают и вылезти пытаются. А в другом – ваши буряты, им можно не закрывать, они, как кто-то один вылезти попытается, сразу орут: "Ши юу хууни урда оронош!" (Ты чего лезешь вперед людей!)».

Пример 2: «Короче... май 1945. Идет бурят по Берлину и думает: вот я прошел такое большое расстояние от начала до конца и что если меня щас завалят, нет, глупо как-то получается, а спрячусь-ка я в подвале и там пережду всю эту заварушку. Так и решил. Спускается, а там крошечная тьма, зажигает спичку и видит силуэты целой кучи солдат. Тогда он инстинктивно достает гранату и замахивается, но чья-то рука сзади останавливает его и говорит: "Зэ, Бадма, болишта" ("Ну хватит, Бадма")».

Пример 3: «Война. Командир дивизии и один из солдат – буряты. Солдата зовут Бадма. Обстановка вокруг ужасная. Взрывы, пулеметные очереди, танки, кровь. Наши начинают отступать. И говорит Бадма комдиву: "Если так и дальше будем отступать, как раз к Сагаалгану (Новый год по лунному календарю) дома будем..."».

Выдающиеся физические качества бурят и их "крутизна".

Пример 1: «В общем так: приезжает один наш бурятский крутой борец в Москву. Продал леся или металла, в общем наварился круто и захотелось ему веселья и раздолья. Завалился в самый крутой ресторан, решил шикануть. Эй, типа, официанты, есть у вас буузы!

Ну, те такие удивленно: "Эээ, знаете, как раз недавно у нас были дни монгольско-бурятской кухни и ведущий повар остановился в нашей гостинице. Так что можно сказать, что вам повезло. Сколько вам?" – "Позницу поз!" – "А много не будет? Справитесь?" – "Да вы чё! Я же из Бурятии!!!" Ну ладно, заказали ему позницу поз. "Что будете пить?" – "Водку! Ящик!" – "А много

не будет?" – "Да вы чё, я же из Бурятии!!!" Ну принесли ему, значит, ящик водки, позницу поз. Он все это съел, выпил, захотелось чего-то большего: "А теперь мне бы женщину. Но такую, самую, самую сильную и мощную, красивую и т.д." – "Есть у нас тут одна такая, только вот уж очень сильная и мощная, справитесь?" – "Не, ну вы чё, я же сказал, что я из Бурятии". Ну всё, дали ему эту женщину, отвели их в номер гостиницы и давай ждать, что будет. На третий день выходит наш герой, исхудавший, шатается, за стенки держится. "Да, – говорит, – действительно сильная женщина, умотала она меня..." – "Ааа, говорили мы тебе, что не справишься". – "Так кто же знал, что она из Бурятии..."».

Пример 2: «Сидят как-то два бурята в лесу, бухать собираются, ну, разложили всё на газетку закусь и только по стопке полили. Невдалеке мужики охотятся на медведя, и один охотник стреляет в медведя и ранит его в лапу. Коготь, в общем, отлетел, и медведь разбушевался, погнал охотников в сторону бурят. Охотники в страхе бегут, пробегая по разложенному столу бурят, а за ними тут же медведь, всё разлетается, закуска в разные стороны, стопки опрокинули. И тут один из бурят Цыдып говорит: "Мля, догоним и им пипец". И в погоню за ними.

Двадцать минут спустя Цыдып поднимает стопку и говорит: "Слышь, Баир, а тот в шубе хорошо дрался!"».

Широкая (мировая) представленность бурят.

Пример 1: «Прилетел на землю инопланетянин. К нему приходит англичанин: "Ду ю спик инглиш?" Инопланетянин молчит. Подходит немец: "Шпрехен зи дойч?" Инопланетянин молчит. Итальянец: "Паче ди итальяно?" Инопланетянин молчит. Подходит бурят: "Ши хыньшпи" (букв.: "ты откуда")?" "Би (бурят. "я") марсианин».

Пример 2: «Забрали бурята из деревни на войну. Мужик не знает по-русски, тем более по-немецки или по-английски. В общем, бегут в атаку и с криком врываются в окоп немцев, и бурят кричит: "Ши бааһан немец болеошь! В ответ: Болеоб, болеоб..." (буквальный перевод: "Ты, г..., немцем стал!" – "Стал, стал")».

К этой же группе я причисляю анекдоты о мировой представленности улан-удэнцев:

Пример 1: «Стоял один наш земляк, русский, в аэропорту одного из германских городов. Тут смотрит – идут ему навстречу два азиата, живо разговаривающие на русском с еле уловимым акцентом, который, тем не менее, был легко узнаваем этим уроженцем Улан-Удэ. "О, землячки!" – подумал он; сердце его радостно забилось и руки сами собой раскрылись для объятий.

– Пацаны, вы откуда?

– С Элеватора! – ответили пацаны и гордо прошли мимо».

Пример 2: «Идет бурят по Бродвею, в руках по чемодану, подходит к таксисту и говорит: "Братан, до Улан-Удэ не увезешь?"

Таксист: "Вы что говорите?! Не поеду никуда".

Бурят: "Вот, братан, видишь мои чемоданы, они оба полны баксами, увезешь до Улан-Удэ, один твой!"

Таксист: "Да тише ты, лучше скажи: тебе на Саяны или на Элеватор⁹?"»

Анекдоты о головарах, т.е. о недавних выходцах из деревни, обосновавшихся в Улан-Удэ. Этимологическое происхождение термина *головары* спорно, но в целом все соглашаются, что головар – это бурят из деревни; кроме того, «примерно со второй половины 1990-х "головар" приобрел новое, неэтническое, звучание: человек без каких-либо моральных установок, попросту моральный "обрубок". У нынешней молодежи выражение "ведешь себя как головар!" означает высшую степень недовольства поведением сверстника; это своего рода клеймо несоответствия общепринятым цивилизованным моделям поведения, значимый упрек, адресуемый тем, кто наплева- тельски относится к общественному мнению» (*Бадмаев 2002: 92*).

Головар – это не только анекдотический персонаж. Это и персонификация рурализации города (*Батомункуев* 2005: 6), и объект наблюдения горожанина за поведением чужака. Тема головаров стала, возможно, главным источником современного анекдота как жанра городского фольклора. При этом непридуманность, т.е. бывальщина о головарах, о которых что ни скажи, все правдоподобно, способствует осознанию принадлежности к городскому собирательному множеству "мы", противопоставляющемуся "им, понаехавшим", причем априорно подразумевается превосходство города над деревней (можно сказать, благодаря интуитивному согласию с позднеантичным пониманием культуры как порождения городского образа жизни).

Вызывающий неодобрение со стороны горожанина недавний житель деревни (называемый не только *головаром*, но и *улусником* или *колхозником*) не только ведет себя иначе: он открыто и умышленно демонстрирует свою инаковость, пренебрежение и вандализм по отношению к городу. Об этом рассказывается, в частности, на страницах форума: «*Стоит парень на Арбате* (так "по-московски" называют пешеходный участок ул. Ленина в Улан-Удэ), *ногой стучит. Через пять минут говорит: "Эээ, из чего они лампочки делают, а?!"* (Речь идет об электрической подсветке мостовой)». Тут же можно прочесть комментарий: "Возможно, эти лампы с антиголоварным покрытием".

Такому жанру бывальщины противостоит ответ деревенских. В частности, уместно в этой связи привести текст песни, называемой "Бурятским рэпом":

Как-то раз мы родились в Бурятии, и нас это нисколько не огорчает,
Мы жесткие ребята, у нас нет проблем,
Потому что мы буряты, передай это всем,
Мы агинские, усть-ордынские,
Баргузин, Иволга, Кяхта, Джида¹⁰.

Да, мы не головары, за Бурятию идем,
Мы не носим шаровары и в юртах не живем.
Мы существуем здраво, движение создаем,
По жизни всегда правы, любого уберем,
Убьем, забьем, набьем, перебьем!

Все жестко! Посмотри-ка на меня!
Все жестко! Посмотри-ка на себя!
Жесткая одежда, жесткие волосы,
Жесткие лица, жесткие голоса,
Мы – бурятский НЭП,
Мы читаем рэп,
to the back, to the back,
РЭУ, ЖЭУ, ГРЭС, АЭС.
Аэссо, тибидум, тибидум.

Ая хухын дудурин дуда
Аяр холоһо ерэб шамда¹¹

Мы не любим розы,
Но мы любим шипы,
Мы едим горячие позы,
Как и ты, как и ты,
Аэссо, ши бурят, би бурят
От экватора до Элеватора нету круче пацана Батора¹².

Эта песня уже стала частью улан-удэнского бурятского фольклора (хотя она, конечно, имеет авторов). Более того, она показывает устойчивость и продуктивность городского мифотворчества и веры в миф. "Истина мифа – это истина бытия, ибо для мифологического человека миф есть подлинное бытие, иного бытия он не знает. Миф для него – форма устройства мира, способ его систематизации и иерархизации: боги, герои, обыкновенные люди. При этом в мифе выражается особая бдительность относительно абсолютов, конечных опорных точек мира" (*Орнатская* 2002: 88–89), под которыми подразумеваются архетипы и константы. При этом анекдот (в данном случае – песня) противопоставляется мифу и одновременно не развенчивает его; он стремится заместить существующий миф, выступая в качестве нового содержания старой мифологической формы – о врожденной культурности горожан и хамстве деревенских.

Древность бурятского народа. Анекдоты этого типа вполне подтверждают сказанное выше: они не стремятся опровергнуть политические неомифы об исконности прав бурят на территорию; идеологемы национального дискурса приобретают в анекдоте гротескные и совершенно абсурдные черты:

«Дед-бурят занимается воспитанием своего внука и тут ему мальчик задает вопрос: "Дедушка, а как появились люди?" На что ему, кряхтя, отвечает дед: "Все люди произошли от обезьян, у каждой народности была своя обезьяна. У русских – Гаврила, у евреев – Абрамуган, у грузин – Шипанидзе, у армян – Макакян". Внук не перестает любопытствовать: "Дедушка, а откуда взялись БУРЯТЫ?" Дед, прищуренно глядя вдаль: "О, внучек, буряты – древний народ, от них все обезьяны и произошли"».

Этот анекдот, являющий собой пример приватизации сюжета (в основной своей части это довольно старый анекдот советской эпохи), во-первых, свидетельствует об обратной связи между политической активностью элит и бурятским населением, во-вторых, перерабатывает и демистифицирует сакральность мифа. Но такой антиполитический анекдот не означает разрушения мифа; более того, он вообще существует благодаря сакральному мифу, пока актуальны "высокие ценности". Иными словами, будучи понятным и популярным аналогом "серьезного" мифологического жанра, т.е. политического мифотворчества, анекдот привлекает и заостряет внимание на его сюжете.

Это относится и ко всем бурятским анекдотам. Они выступают одним из компонентов *своего* мира, а потому, повторяюсь, рассказываются *своими* и для *своих*.

Даже нейтральное повествование с использованием слов, маркирующих этническую принадлежность объекта рассказа, заставляет слушателя реагировать на эти слова как на "политический сигнал" в случае, если рассказчик или аудитория приписывают себя к разным этнокультурным группам. А повествование среди "своих" не требует соблюдения политкорректности и не вызовет среди слушателей протеста и обид, т.е. здесь возникает ситуация, о которой пишет О. Иванова: «Вообще говорящий/пишущий должен четко осознавать, к какой аудитории он обращается, что и как при этом говорит и какую ответную реакцию хочет получить. Часто некоторые темы вообще закрыты для обсуждения, как бы табуированы. Они могут быть затронуты только в отсутствие "чужих", исключительно среди "своих". ...На праздновании Сагаалгана... он (И.Д. Кобзон. – Д.А.) обратился к присутствующим со словами "Дорогие мои буряты!" Несмотря на то, что аудитория действительно была в большинстве своем бурятской, такое обращение вызвало пусть не сильное, но недовольство... В то же время, если бурят обратится к землякам так, как это... сделал Кобзон, то такое обра-

щение не только не вызовет неудовольствия, а наоборот оратора будут слушать с повышенным вниманием, поскольку аудитория воспримет его как часть себя. Точно такая же реакция имеет место в тех случаях, когда буряты (или представители любой другой нации – армяне, чукчи, евреи) рассказывают смешные истории, анекдоты о себе. Реакция слушателей будет если не одобрительной, то вполне спокойной, не будет содержать в себе негативные эмоции. Но стоит то же самое сделать "чужому" – и самый безобидный "случай из жизни" будет воспринят как умышленное оскорбление» (Иванова 2002: 69). Встречающиеся в Интернет-ресурсах *небурятские* анекдоты и шутки о бурятах как нельзя лучше иллюстрируют тему отсутствия в России культуры политкорректности в межэтнических отношениях.

Таким образом, бурятский анекдот является полноправным и многоаспектным элементом сконструированной и конструируемой бурятской *этносферы*, определяющим пределы и характеристики этнического пространства и способным выступать в качестве сигнала, предупреждающего *другого* о приближении к *чужой* культурной и политической территории.

Примечания

¹ Анекдоты скопированы с сайтов. Я исправила только явные морфологические и синтаксические ошибки, оставив без изменения стилистику изложения.

² Позы (бууза) – блюдо традиционной пищи монгольских народов, напоминающее манты.

³ «Чем сильнее противостояние "верха" и "низа" в конкретный момент общественного развития, тем ярче проявляет себя неофициальное, народное творчество» (Каспэ 2000: 328).

⁴ Этот памятник на площади Советов в г. Улан-Удэ представляет собой огромную по размерам голову Ленина, а потому называется в народе просто *Голова*. Это одна из достопримечательностей города и предмет гордости его жителей, поскольку, по твердому убеждению горожан, упоминается в Книге рекордов Гиннеса.

⁵ Дандарон Бидия Дандарович (1914–1974) – российский буддолог и буддийский религиозный деятель. В советское время, будучи научным сотрудником, он пытался воссоздать тантрический буддизм. У него было много учеников из числа буддистов и буддологов. По сфабрикованному обвинению его осудили на 5 лет, он умер в лагере.

⁶ Базарон Эльберт Гамбожапович – доктор медицинских наук, специалист по тибетской медицине, работал в отделе биологически активных веществ (индо-тибетская медицина) Института биологии Бурятского филиала СО РАН.

⁷ Кобзон Иосиф Давыдович – народный артист СССР, депутат Государственной Думы РФ от Агинского бурятского автономного округа.

⁸ Русифицированное уменьшительно-ласкательное от имени Цэцэгма или Сэсэгма.

⁹ "Саяны", "Элеватор" – транспортные узлы в Улан-Удэ и неофициальные названия городских районов.

¹⁰ Перечисляются названия бурятских округов и районов.

¹¹ Строки на бурятском языке – часть известной песни, называемой, по сведениям информанта Д.Б. Батоевой, "гимном пьяных бурят".

¹² Текст песни любезно предоставлен студентами четвертого курса исторического факультета Бурятского государственного университета.

Литература

Бадмаев 2002 – Бадмаев А. Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ // Вестник Евразии. 2002. № 1. С. 89–103.

Батомункуев 2005 – Батомункуев С.Д. Улан-Удэ грозит рураризация. Урбанизация по-деревенски // Город. Газета соучастия. 2005. № 1. Апр.

БФ ОАО – Форум Интернет-сайта Бурятского Филиала ОАО Сибирьтелеком <http://www.st-bur.ru/forum/viewtopic>.

Дождь из цветов 2005 – Дождь из цветов (Бурятские буддийские притчи). Собраны в 2002–2003 гг. писателем Игорем Мухановым на территории республики Бурятия и Агинского бурятского автономного округа. Центр русско-азиатских исследований "Агарты" совместно с издательством Л.Г. Мухановой. М., 2005.

Иванова 2002 – *Иванова О.* Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. № 3 (18). С. 62–71.

Каган 2002 – *Каган М.С.* Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры: Матер. "круглого стола" 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 5–16.

Каспэ 2000 – *Каспэ И.* Кривое антизеркало. "Советский" и "постсоветский" анекдот: проблемы жанровой трансформации // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 327–334.

Орнатская 2002 – *Орнатская Л.А.* Анекдот и жизнь // Анекдот как феномен культуры. С. 87–94.

Сайт – Сайт бурятского народа buryatia.org.

Pedersen 2006 – *Pedersen M.A.* Tarrying with repression // Inner Asia. 2006. Vol. 8. № 2. P. 163–181.

D.D. Amogolnova. Contemporary Buryat Joke in the Construction of Ethnic Realm

Urban folklore and the genre of joke play a significant part in the worldview bases that underlie the construction of ethnic "us-images". Being one of the most popular and accessible markers of "own" ethnic and cultural space, jokes often function as a narrative instrument of the national integration. Elements that jokes contain acquire somewhat of a traffic light function in as much as they warn the stranger about the borderline of the other territory. The author discusses the issue drawing on the case of Buryat culture.